

УДК 1; 316

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.8



**ЭТНИЧЕСКАЯ И ГОРОДСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНИ-
ТЕЛЬНОСТЬ?**

**ETHNIC
AND URBAN
IDENTITIES:
CONFRONTATION
OR COMPLEMENTARITY?**

Зязиков Мурат Магомедович

Доктор философских наук,
заместитель полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Центральном федеральном округе,
г. Москва, Россия,
e-mail: zyazikov_mm@mail.ru

Murat M. Zyazikov

Doctor of Philosophical Sciences,
Deputy Plenipotentiary Representative of the
President of the Russian Federation in the
Central Federal District,
Moscow, Russia,
e-mail: zyazikov_mm@mail.ru

Основной задачей данной статьи является определение теоретико-методологических оснований изучения взаимодействия этнической и городской идентичностей в условиях урбанизации. Показано, что в результате ускоряющейся урбанизации и развития миграционных процессов многие этносы попадают в новые условия жизнедеятельности условия жизни в крупных и крупнейших городах, в результате чего трансформируются их этническая и городская идентичности. Определена взаимосвязь этнической и городской идентичностей, выделены новые методологические подходы в рамках антропологических исследований городских «племён», основанных на междисциплинарности.

The main objective of this article is to determine the theoretical and methodological foundations of the study of the interaction of ethnic and urban identity in urbanization. It is shown that as a result of accelerating urbanization and the development of migration processes, many ethnic groups appear in new living conditions - living conditions in large and largest cities, as a result of which their ethnic and urban identities are transformed. The interrelation of ethnic and urban identities is determined, new methodological approaches are identified in the framework of anthropological studies of urban "tribes" based on the interdisciplinarity of modern socio-humanitarian knowledge. It is concluded that

лиарности современного гуманитарного знания. Делается вывод о том, что в условиях миграционного притока в города этническая и городская идентичности взаимодействуют по принципу взаимодополнительности. Анализ этого взаимодействия требует применения междисциплинарного подхода, при котором концептуальный и методологический аппарат урбанистической антропологии, социологии культуры, городской социологии и урбанистики соединился бы с результатами конкретных локальных исследований жизни этносов в современной городской среде.

in conditions of migration inflow into cities, ethnic and urban identities interact on the principle of complementarity. The analysis of this interaction requires an interdisciplinary approach, where the conceptual and methodological apparatus of urban anthropology, sociology of culture, urban sociology and urban studies would be combined with the results of specific local studies of the life of ethnic groups in a modern urban environment.

Ключевые слова: городское сообщество; городская антропология; этническая идентичность; городская идентичность.

Keywords: urban community; urban anthropology; ethnic identity; urban identity.

Введение

Процессы урбанизации приобретают в современном мире всё большее значение, ибо именно в городах апробируются всевозможные модели социального, экономического, культурного развития на нашей планете. На это обратил внимание ещё Р. Парк: «В наших современных городах цивилизация и социальный прогресс приобрели характер некоего контролируемого эксперимента» (Парк, 2002. С. 4). Конечно, этот процесс является неравномерным: в большей степени урбанизация охватила развитые страны, в том числе и нашу страну. При этом основным источником роста городов выступают мигранты.

В условиях бурных миграционных процессов значительные части этносов перемещаются не просто на новые территории (из одного населённого пункта в другой), а в совершенно новые для себя условия жизни – условия жизни крупных и крупнейших городов. В нашей стране значительная нагрузка по приёму мигрантов ложится на Центральный федеральный округ: если в 2000 г. в него прибыло 320 429 чел., в 2015 г. – 733 892, то в 2017 г. – 758 629 (Российский статистический ежегодник, 2018. С. 103–104). В нём же располагается такой крупнейший город РФ, как Москва. В связи с этим обостряется проблема межэтнических и межкультурных отношений, одной из граней которой является идентичность. Представители этносов, переезжая из сёл и аулов в города, не только сохраняют этническую, но и формируют новую для себя – городскую идентичность. Каковы взаимоотноше-

ния между этими двумя типами идентичности в условиях урбанизации?

Город как современная среда существования этносов

В результате миграционных процессов сложилась противоречивая ситуация, когда, с одной стороны, крупные и крупнейшие города явились выражением глобального развития мира, а с другой – внутри самих городов формируются этнические анклав, подпитываемые идеологическими лозунгами возрождения национально-культурных и этнических сообществ. Однако сами этнические сообщества не являются постоянными: они меняются в современном изменчивом мире, одно дело – этнические сообщества в западных мегаполисах, где устанавливаются этнические и культурные символические границы добровольно локализуемых этносов, другая же ситуация складывается, например, в России, где представители этносов, проживающие на российской территории на протяжении жизни не одного поколения, глубоко интегрировались в российскую культуру и придерживаются образцов поведения, скорее общероссийских, чем принятых в соответствующих локальных сообществах. За годы советской власти произошла серьезная национально-этническая гомогенизация городского населения, в результате которой в значительной степени оказались разрушенными традиционные механизмы регулирования жизни этносов – религиозные, бытовые, семейные и т.д., что актуализирует проблему поиска оснований конструирования различных типов идентичности.

В современном городском пространстве проживают представители множества этносов и национальностей. Недаром Москву называют домом народов. Ситуация усложняется в результате современного притока этнических мигрантов, прежде всего из республик Северного Кавказа и из среднеазиатских республик бывшего Советского Союза. Между трудовыми мигрантами и этническими «старожилами» существует значительная разница, связанная с их статусными социокультурными позициями, уровнем образования, соответствием их поведения образцам этнических культур. Все эти противоречивые процессы ставят серьезный вопрос о судьбах этнических сообществ в рамках города и городской культуры.

Следует отметить, что даже архитектурная среда города может играть определённую роль в генезисе межэтнических конфликтов. Так, в ходе югославского конфликта 90-х гг. XX в. дизайн архитектурной среды не просто отражал некоторые этнические и национальные культурные традиции, но и являлся определённым инструментом полити-

ческой борьбы. Д. Суджич отмечает: «Хорваты и сербы устроили настоящее соревнование по строительству храмов, призванных застолбить спорные территории. Где тут кто, было видно с первого взгляда. Церкви хорватов-католиков строились из стекла и бетона и выглядели подчёркнуто современно. Церкви православных сербов – с “традиционными” куполами, каменной кладкой и черепичными крышами – не менее нарочито следовали византийским образцам. Это было не просто указание на то, какой из общин принадлежала округа. Облик хорватских сооружений, кажется, провозглашал, что построившее их государство ориентировано не на Восток, а на Запад. Эту открытость к новому можно было истолковать и как часть осознанной программы по превращению культуры в инструмент создания собственной идентичности. Подобное применение определённого архитектурного стиля можно описать как проявление культурного национализма – тактики, отлично знакомой и хорватам, и сербам» (Суджич, 2017. С. 267).

Что же происходит с этнической, городской и территориальной идентичностями мигрантов? Насколько они взаимосвязаны?

Теоретические основы исследования

Динамика этнической, региональной, территориальной, городской идентичностей рассматривается в последние годы достаточно интенсивно. Можно назвать коллективную монографию «Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра», в которой прослеживается, как изменились гражданская, этническая и региональная идентичности с 1993 по 2012 г., как они соотносятся с культурными ориентациями, религиозностью, экономической активностью, социальным самочувствием населения и межэтническим согласием (Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра, 2013).

В статье Л.М. Дробижевой «Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях» (Дробижева, 2018) на конкретном эмпирическом материале анализируется динамика общероссийской идентичности. К идентификационным основаниям общероссийской идентичности автор относит прежде всего государство и общую территорию, затем – историческое прошлое, культуру, ответственность за дела в стране. Средство укрепления российской идентичности Л.М. Дробижева видит в росте межэтнического доверия и в солидаризации вокруг общих ценностей и целей развития. Мы предполагаем, что такого рода солидаризация может сдерживаться

в условиях ограниченных ресурсов, которые предоставляет город своим жителям.

В статье И.М. Кузнецова «Особенности интеграции мигрантов из республик Северного Кавказа в локальных принимающих средах» (Кузнецов, 2018) рассматриваются особенности интеграции внутренних мигрантов из республик Северного Кавказа в принимающих сообществах регионов России, различающихся по уровню экономического развития и исторически сложившейся этносоциальной структуре населения. В качестве критерия интеграции выделяются фиксируемые в опросах сходства / различия в истолковании терминальных и инструментальных ценностей. По результатам сравнительного анализа интерпретации терминальных ценностных смыслов представителями принимающего населения и недавними мигрантами из республик Северного Кавказа делается вывод о том, что приезжие из республик Северного Кавказа вполне интегрированы в идентификационный контекст принимающих локальных сред. Эти приезжие отличаются лишь большей приверженностью своим этнокультурным традициям и обычаям. В истолковании же инструментальных ценностей обнаружены значимые различия. Эти различия автор объясняет, с одной стороны, разницей в экономическом статусе данного принимающего региона и региона исхода мигрантов, а также более модернизированной социально-культурной средой повседневной деятельности принимающих регионов, независимо от экономического статуса. С другой стороны, указанные различия обусловлены более традиционалистской средой социализации в местах выхода мигрантов. Перспективы успешной интеграции мигрантов из республик Северного Кавказа увязываются, во-первых, с развитием сфер производительной экономики на территориях этих республик; во-вторых, с размыванием значимости национальной принадлежности как социального капитала на принимающих территориях.

Следует отметить и статью М.А. Игошевой, в которой этническая идентичность рассматривается как ресурс, позволяющий противостоять угрозам глобальных трансформаций (Игошева, 2019).

Как видим, территориальная и гражданская идентичности включаются в область исследовательских интересов при анализе динамики этнического сознания и этнической идентичности, однако процесс выработки городской идентичности мигрантов пока исследован недостаточно прежде всего потому, что остаются в тени модели жизни в городе, принимаемые и перенимаемые мигрантами.

Городская идентичность как способ адаптации к урбанизации

Феномен городской идентичности рассматривается как вариант (форма) территориальной идентичности (Радина, 2015). Территориальная идентичность включает в себя идентификацию с местом проживания. Структура территориальной идентичности в трактовке И.С. Самошкиной включает три компонента: когнитивный (образ города, состоящий из представлений о городских ориентирах, районах и маршрутах, а также о людях, живущих на той же территории), аффективный и ценностный (сюда включены удовлетворенность местом проживания и его символическая значимость). Проявлением территориальной идентичности выступает территориальное поведение (Самошкина, 2008).

Содержательно близким понятию «территориальная идентичность» является понятие «городская идентичность». Основанием для городской идентичности выступает принадлежность человека к той или иной городской общности (Микляева, 2011). Городская идентичность предполагает и идентичность с городом проживания, и идентичность с людьми, проживающими в этом городе. В структуре городской идентичности тоже присутствует поведенческий компонент, при этом он выступает индикатором для определения той социальной группы (в частности, конкретной городской общности), которая стала объектом идентификации, и по нему можно выявить, данный индивид приезжий или местный? Однако взаимосвязь этнической и городской идентичностей мигрантов, т. е. проблема того, каким образом приобретается городская идентичность представителями этноса, переезжающими в крупные города, пока не обсуждалась.

Таким образом, основной задачей данной статьи является определение теоретико-методологических оснований изучения взаимодействия этнической и городской идентичностей в условиях урбанизации.

Методологические ориентиры изучения городской идентичности этнических мигрантов

Начиная с XX в. возникла настоятельная необходимость в формировании новых методологических подходов к изучению города, городских сообществ и взаимоотношений между горожанами. Особое внимание уделялось межкультурным и межнациональным отношениям, которые претерпевали значительные изменения в городском пространстве по сравнению с социокультурным пространством в деревне. В первую очередь внимание исследователей сконцентрировалось на изменениях в жизни нетрадиционных локальных сообществ в городе.

Исследователи-антропологи увидели, что методология, которая с успехом использовалась в процессах наблюдения и анализа образа жизни отдельных племен и этносов, оказалась неработающей в новых культурных условиях. На это обратил внимание еще Р. Редфилд, когда изучал социокультурную жизнь крестьян мексиканского штата Юкатан (Redfield, 1941), уже охваченного процессами урбанизации. В первую очередь выяснилось, что если объектом изучения станет город как целое, то тогда многие важнейшие стороны жизни этнических сообществ, претерпевающих в условиях города значительные изменения, окажутся вне поля зрения исследования и наблюдения.

Сообщество итальянских мигрантов стало объектом исследования У.Ф. Уайта (White, 1961). Продолжая развивать антропологический подход в изучении процессов урбанизации, он обнаружил, что локальные этнические сообщества слабо поддаются изучению при помощи традиционных социологических методов – опросов, интервью. Весьма часто оказывалось, что они не работали при анализе взаимоотношений различных этносов в городе. У.Ф. Уайту пришлось на протяжении весьма долгого времени применять метод включенного наблюдения, благодаря которому не только вскрылись некоторые тайные стороны жизни локальных этнических сообществ, но и обнаружились новые характерные черты культурных и межэтнических отношений, которые складывались в городском пространстве. Оказалось, что локальные городские сообщества образуются не только по месту проживания их членов, но и по месту проведения свободного времени. Этот вывод позволил обнаружить новую роль общественных пространств, объединяющих участников локальных этнических сообществ.

Следует отметить, что городская антропология статуировалась в качестве научной дисциплины только во второй половине XX в.: так, американская антропологическая ассоциация создала отдельно существующее общество городской антропологии только в 1979 г. Несколько ранее стал регулярно выходить журнал «Городская антропология». Основная проблема, возникшая перед специалистами в данной области знания, заключалась в том, что отсутствовали теоретико-методологические базовые разработки и, кроме того, не хватало наработанных материалов для теоретического анализа. С этой точки зрения классическая антропология, где исследовались изолированные племена или деревенские сообщества, находилась в более выгодном положении: здесь основной упор делался на изучение традиции прежде всего этнического характера. Поэтому исследователи поначалу также пытались найти «деревню в городе», иначе говоря, особое внимание

уделялось территориально обособленным этническим сообществам, которые воспроизводили бы быт и нравы в городских условиях своего коренного этноса. Поэтому поначалу эти исследования концентрировали внимание на изучении городских районов, где компактно проживали мигранты или выходцы из деревень. Однако объективную картину происходящих в городе в целом взаимоотношений культурного и национального характера воссоздать не удалось, и эта картина рассыпалась, как мозаика, на отдельные части. Описание быта и нравов городских «аборигенов» носило статичный характер, поскольку считалось, что жизнь этносов всегда была мало изменчива и предполагала прежде всего постоянное воспроизводство социокультурных форм жизни. Тогда как город – это такая целостность, где происходят непрерывные изменения, постоянные трансформации, перекрещивающиеся в самых разных отношениях динамические потоки взаимодействий в социальных и культурных сферах. «Старая антропологическая установка на изучение “чужих” приводила к тому, что и в больших городах исследователи искали экзотических “других”, чей образ жизни был бы максимально далёк от образа жизни самого учёного. При таком подходе нет ничего удивительного в том, что чаще всего интерес у городских антропологов вызывали разного рода городские маргиналы: мигранты, преступники, жители трущоб и т.д. Исследования более благополучных слоёв городского общества проводились, но крайне редко» (Алексеевский, 2017. С. 88–89).

Исходя из вышесказанного, становится понятно, почему городским антропологам было удобно изучать городские трущобы, локальные эмигрантские районы: ведь они действовали по старой схеме, как бы отправляясь изучать неких туземцев на далеких островах. Однако «городские этнические деревни» антропологам приходилось изучать всё меньше и меньше, поскольку приезжие, во-первых, всё реже селились компактным образом; во-вторых, благодаря развитию транспортной инфраструктуры горожане всё чаще проводили свое свободное время в других районах города, не по месту своего постоянного жительства. Оказалось, что о существовании в городе устойчивых этнических сообществ со своей неизменной системой социальных культурных взаимосвязей приходится говорить с большой осторожностью, так как более плотный массив этих связей объединяет или соседей, жителей одного дома, или коллег по работе.

В процессах самоидентификации индивид может отождествлять себя как входящего в самые разные сообщества, где существуют различия по полу, возрасту, социальному происхождению, можно также

идентифицировать себя в зависимости от тех или иных пристрастий и увлечений. Например, любитель тяжёлого рока, болельщик футбольной команды «Спартак», вегетарианец, студент гуманитарного факультета и т.д. Такого рода самоидентификация во многом может оказать влияние на тип, характер поведения, стиль жизни. Именно крупные и особенно крупнейшие города предоставляют возможность выбора для человека большого количества форм коллективных идентификаций, в результате чего в значительной степени размывается классическое для социальных наук разделение общества на классы, поскольку жизненные стили поведения могут объединять представителей самых различных социальных групп. Классовая идентификация теряет своё глобальное значение и становится лишь одним из многих видов самоидентификации. С этой точки зрения антропологи взглянули на горожан как на некий конгломерат различных племен, где есть свои социальная иерархия, вожди, символика, способы выражения мысли, система ценностей, стили поведения, мода в одежде и т. д. В качестве примера можно привести городское племя байкеров.

Конец XX в. ознаменовался в городской антропологии открытием и описанием с использованием метода включенного наблюдения десятков и сотен городских сообществ, или «племен», возникающих на основе совместных интересов. В качестве примера здесь можно привести многолетние исследования, предпринятые Ф. Гамстом, который более десяти лет проработал на различных должностях на железной дороге, а затем описал результаты своих наблюдений в ряде научных статей. Подобные исследования проводились и в СССР, и в Российской Федерации. Так, например, Т. Щепанская провела работу, посвящённую моделированию связей между символикой и социальной структурой городского молодежного (относительно замкнутого) андеграундного сообщества города Ленинграда 80-х гг. (Щепанская, 1993).

Следует отметить, что этой работе предшествовали классические для традиционной антропологии исследования деревенских обычаев и ритуалов, однако в такого рода исследованиях возникали противоречия, когда основной материал этнографического характера основывался на устных рассказах пожилых людей, в то время как материальная символика этих явлений уже отсутствовала. В результате чего антропологические исследования приобретали исторический характер. После Т.Б. Щепанской появилось множество последователей, начавших изучать молодежную культуру с точки зрения существования различного рода сообществ, которые следовало найти и идентифицировать с помощью проверенной методологии, выявляющей социальную струк-

туру и символику этих молодёжных «племен». Здесь использовалась классическая методология, которая была апробирована при изучении традиционной культуры, где описывались невербальные коды, вербальные стереотипные тексты, развернутая система символики и мифологических представлений. Однако и здесь таилось серьезное противоречие: вполне апробированные принципы семиотического анализа можно было адекватным образом использовать при изучении устойчивых сообществ, которое имеют сложную социальную иерархию, устойчивую культуру поведения и т.д. Эта методология оказалась вполне удачной для описания «племен» рокеров или футбольных фанатов, но её вряд ли можно было бы использовать с той же плодотворностью для исследования, например, сообщества любителей бега, которое вряд ли имеет тягу к созданию каких-то социально организованных форм, своей символики, иерархии и т. д. и т. п. Такого рода городские сообщества оказывались «летучими», их изучение (в данном случае – методами семиотического анализа) было непродуктивным. Мало того, начиная с нового тысячелетия среди городских антропологов стало модно критиковать использование в науке самого термина «сообщество», поскольку в XXI в. городское население становилось всё более аморфным. Поэтому социологи, пытаясь найти устойчивые городские сообщества, на самом деле занимаются социальным конструированием. Меняются города, меняется общество в целом, соответственно, вряд ли можно говорить об устойчивых городских сообществах. «Описательность, мозаичность, статичность – эти родовые методологические проклятия городской антропологии необходимо было как-то преодолеть. Как часто бывает в науке, спасительным выходом оказалось обращение за методологической помощью к смежным дисциплинам» (Алексеевский, 2017. С. 94).

Таким образом, можно заключить, что благодаря возросшей мобильности горожан, множественности реализуемых моделей жизни в городе, богатству социальных связей и появлению Интернета, объединяющего людей в глобальном масштабе, прежде постоянные границы локальных сообществ размываются, становятся текучими, что означает необходимость нахождения новой методологии исследования культурных и межэтнических взаимоотношений. Это обстоятельство играет важнейшую роль для понимания социокультурных процессов, происходящих в современном мире. Тем более что в 2009 г. впервые за всю историю человечества численность городского населения сравнялась с численностью сельского, составив 3,4 млрд человек. Ожидается, что большая часть мирового населения будет представлена горожанами (Население Земли,

2019). Без понимания города и городской культуры разобраться в отношениях между странами, государствами, социальными группами, классами, этносами и т.д. становится невозможно.

Особую роль в понимании новой методологии исследования сыграл так называемый пространственный поворот (Бахманн-Медик, 2017). В рамках этого поворота город стали изучать как систему процессов, взаимоотношений, символов, сетей, где горожане олицетворяют собой один из потоков в общественном круговороте жизни города. Здесь, конечно, следует вспомнить работы М. Фуко и А. Лефевра. Написанная А. Лефевром книга «Производство пространства» (Lefebvre, 1991) сыграла огромную роль в ориентации социальных и гуманитарных наук на изучение прежде всего повседневных практик по освоению пространства горожанами и исследование специфических механизмов социокультурного конструирования пространства. Особое внимание уделялось междисциплинарным исследованиям, когда полученные результаты интерпретировали с помощью самых разных методик, взятых из других социальных и гуманитарных дисциплин, вскрывая смыслы городского пространства и действия горожан. В качестве примера можно привести книгу С.М. Лоу «Пласа: политика общественного пространства и культуры». Исследовательница в течение четверти века методом наблюдения изучала две площади города Сан-Хосе (столица Коста-Рики), что позволило ей проследить, как площади трансформируются внешним образом, что именно оказывает влияние на повседневную жизнь горожан, а также прийти к выводу о главной социальной функции площадей (Лоу, 2016). Иначе говоря, междисциплинарный подход позволяет выявлять эффекты соединения архитектурного ландшафта с повседневной жизнью в городах. Чем больше контекстов удастся привлечь в ходе исследования, тем более объемным и объективным становится понимание как самого городского общественного пространства, так и повседневных практик жителей.

При этом нужно иметь в виду, что образы городского пространства носят индивидуальный и одновременно общественный характер, поскольку зависят от личного опыта, коллективных и индивидуальных воспоминаний, исторической памяти, включающей в себя одновременно и то, что индивид слышал, читал, видел что-либо об этом месте. Данное обстоятельство касается не только отдельных общественных пространств в городе, но и целостного образа города, который складывается и у жителей, его населяющих, и у жителей других городов или деревень. Так, образ столичного мегаполиса является как результатом

личного опыта горожанина или приезжего, так и следствием просмотренных фильмов, телевизионных передач, прочитанных книг и т.д.

В Москве данный процесс противоречивым образом связан и с динамикой глобализационных изменений, происходящих в современном мире. Городские ландшафты, где соседствуют символы глобализации (например, Макдоналдс) и культурно-исторические локальные пространства (например, Арбат), вступают в соревнование друг с другом. Восприятие городского пространства носит динамичный, изменчивый характер. В результате возникают новые смыслы, связанные как с исторической памятью, так и с новомодными изменениями, происходящими в данной местности.

Одной из особенностей городской жизни выступает разнообразие: разнообразие самих жителей, их занятий, способов проведения досуга и т.д. В больших и крупных городах это стремление к культурному разнообразию находит выражение в статуировании различных форм самовыражения. Поэтому культурантрополог должен быть готов к тому, что каждый житель города (особенно крупного и крупнейшего) может быть представителем самых разных городских сообществ – то размытых по своей структуре, то жёстко сконструированных. Поиск единомышленников для горожан крупных и крупнейших городов – занятие более простое, чем для людей, живущих в малых городах или в посёлках. Отсюда вытекают большее разнообразие и разнородность межкультурных этнических взаимоотношений в крупных городах. Чем крупнее город, тем разнообразнее и более вариабельно складываются эти взаимоотношения. Интересным феноменом, подлежащим активному изучению, являются виртуальные сообщества, которые складываются по районам проживания, например во «ВКонтакте» группа по городу Москве. Здесь глобальная самоидентификация в принципе отсутствует. Зато в социальных сетях, в которые объединяются жители тех или иных районов, возникает приемлемый для горожан уровень самоидентификации.

Таким образом, в городе возникают специфические взаимоотношения между различными этническими группами. С одной стороны, мировой опыт показывает, что стратегической основой укрепления межэтнических отношений является объединение, интеграция с сохранением собственной культурной идентичности. Одновременно оказывается, что в городах происходит ускоряющаяся дифференциация социальных групп. Поэтому плодотворный диалог культур предстаёт как многополярный процесс установления и развития прежде всего личных контактов между представителями различных этносов, живущих в одном

городе. Каким образом, на каких путях следует развивать этот межкультурный и межэтнический диалог – один из основных вопросов городских культурантропологов. Особое внимание следует обратить на развитие межкультурной компетенции, которая дает возможность понять социокультурные позиции представителей других этносов, обогатив при этом и содержание своей собственной идентичности. Иначе говоря, этнические городские сообщества, локализованные или размытые в пространстве городской культуры, должны оцениваться и развиваться, исходя из нового уровня межкультурной компетенции, которая в отечественной литературе определяется как «способность членов некой культурной общности добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием компенсаторных стратегий для предотвращения конфликтов “своего” и “чужого” и создавать в ходе взаимодействия новую межкультурную коммуникативную общность» (Лукьянчикова, 2000. С. 289).

Именно общение является сердцевинной межкультурных и межэтнических связей, представляя собой взаимодействие и диалог между представителями различных этносов как непосредственным, так и опосредованным образом. Воспитание адекватного отношения к культуре других этнических групп основывается на принципе толерантности. При этом нужно иметь в виду, что межэтническое культурное общение возможно прежде всего на основе реального практического взаимодействия, в процессе которого появляются новые смысловые грани, открывающие новые возможные пути общения между этносами. Данное обстоятельство актуально в наибольшей степени для городов с их высокой плотностью заселённости.

Символический мир этноса и глобализационная культура города

Этнос (как и многие другие общности и сообщества людей) выстраивает свой символический мир. Как соотносится он с символическим пространством города, в котором реализуют себя в городе те или иные этнические группы? Именно на эту сторону проблемы взаимодействия и развития этносов в условиях города обращают внимание современная городская антропология и антропология городских сообществ. Здесь возникает ряд вопросов. Можно ли в условиях всеобщей унификации и стандартизации городского пространства и жизни города использовать такое понятие, как «этническая культура»? Может быть, следует ограничиться констатацией существования некоторых символических объектов и элементов этнической культуры в городском пространстве? Может быть, имеет смысл говорить о городской

культуре в целом, поскольку всякий город обладает определенной целостностью и нивелирует различия между жителями и самоидентификация себя в качестве жителя того или иного города является превалирующей для понимания горожан? Эти вопросы во многом связаны с разворачивающимися сейчас процессами глобализации, в которых именно урбанизация играет ведущую роль. Правда, в полном смысле о глобализации культуры можно говорить прежде всего применительно к крупнейшим городам. На земном шаре их немного. При этом речь идет не просто о количестве городского населения (бурный, неконтролируемый рост численности городского населения и территориальное расширение городов, не сопровождающиеся формированием адекватной им социальной инфраструктуры и городского образа жизни, получил название псевдоурбанизации, которая встречается в развивающихся странах), но о том количестве, которое перешло в новое качество, где города представляет собой центры единой глобализационной культуры.

С этой точки зрения весьма важным оказывается анализ групповой идентичности. Именно городские антропологи, рассматривая способности и формы идентификации личности, приходят к выводу о том, что в современном городе личность не обретает некую постоянную форму самоидентификации: собственный образ я находится все время в движении в зависимости от изменяющейся ситуации повседневной социальной жизни.

Для глобализирующегося городского пространства характерна идентификация, связанная с существованием сетевого взаимодействия. Для горожанина вполне возможна реализация данного процесса в качестве представителя той или иной этнической группы, где взаимная поддержка членов этой группы играет важную роль. При этом горожанин выступает в качестве субъекта, успешно реализующего свои возможности и скрытые потенции, вливаясь в деятельность различных групп и сообществ. Это существование горожан в сетях и в потоках предполагает для своего изучения использование всего арсенала методов городской антропологии и социологии города – от метода включённого наблюдения, анкетных опросов, интервью до статистического анализа городской жизни.

Заключение

Итак, в условиях миграционного притока в города этническая и городская идентичности взаимодействуют по принципу взаимодополнительности. Анализ этого взаимодействия требует применения междисциплинарного подхода, при котором концептуальный и методоло-

гический аппарат урбанистической антропологии, социологии культуры, городской социологии и урбанистики соединился бы с результатами конкретных локальных исследований жизни этносов в современной городской среде.

Литература

Алексеевский М. Городская антропология. От локальных «племен» к глобальным «потокам» // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017.

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Политическая энциклопедия, 2013.

Дробизева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. 2018. № 3 (15). С. 6–21.

Игошева М.А. Ресурсный потенциал этнической идентичности в условиях глобальных трансформаций современного мира // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 3. С. 133–140.

Кузнецов И.М. Особенности интеграции мигрантов из республик Северного Кавказа в локальных принимающих средах // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 51–63.

Лоу С.М. Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016.

Лукьянчикова М.С. О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной компетенции // Россия и Запад: диалог культур. 2000. Вып. 8, т. 1.

Микляева А.В., Румынцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011.

Население Земли. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B8.

References

Alekseevsky, M. (2017). City anthropology. From local “tribes” to global “flows”. *Gorozhanin: chto my znayem o zhitele bol'shogo goroda?* M.: Strelka Press.

Bahmann-Medik, D. (2017). Cultural turns. New benchmarks in the sciences of culture. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow (2013). L.M. Drobizheva (Ed.). M.: Politicheskaya entsiklopediya.

Drobizheva, L.M. (2018). Consolidating identity in the all-Russian, regional and ethnic dimensions. *Perspektivy*, 3 (15), 6-21. (in Russian).

Igosheva, M.A. (2019). The resource potential of ethnic identity in the context of global transformations of the modern world. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 8, 3, 133-140. (in Russian).

Kuznetsov, I.M. (2018). Features of the integration of migrants from the republics of the North Caucasus in local receiving environments. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 6, 4 (24), 51-63. (in Russian).

Low, S.M. (2016). On the Plaza: The politics of public space and culture. M.: Strelka Press.

Lukyanchikova, M.S. (2000). On the place of the cognitive component in the structure of intercultural competence. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, 8, 1. (in Russian).

Miklyaeva, A.V., Rummyantseva, P.V. (2011). Urban identity of a resident of a modern metropolis: a resource of personal well-being or a high-risk zone? SPb.: Rech'.

Earth Population (2019). Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B8.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–13.

Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2015.

Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. М.: Росстат, 2018.

Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

Суджич Д. В как Bauhaus. Азбука современного мира. М.: Strelka Press, 2017.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы: 1986–1989. СПб.: Наука, 1993.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.

Redfield R. Folk Cultures of Yucatan. Chicago: The University of Chicago Press, 1941.

White W. Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum. Chicago: University Press, 1961.

Park, R. (2002). City as a social laboratory. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2, 3, 3-13. (in Russian).

Radina, N.K. (2015). City in space and time: problems of territorial identity in the context of socio-economic changes. N. Novgorod: DECOM.

Russian statistical yearbook. 2018: Statistical Digest (2018). M.: Rosstat.

Samoshkina, I.S. (2008). Territorial identity as a socio-psychological phenomenon (Abstract, Candidate Dissertation, Moscow).

Sudzhich, D. (2017). B is for Bauhaus. An A-Z of the Modern World. M.: Strelka Press.

Schepanskaya, T.B. (1993). Symbolism of the youth subculture: the experience of ethnographic research of the system: 1986-1989. SPb.: Nauka.

Lefebvre, H. (1991). The Production of Space. Oxford: Blackwell.

Redfield, R. (1941). Folk Cultures of Yucatan. Chicago: The University of Chicago Press.

White, W. (1961). Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum. Chicago: University Press.

Поступила в редакцию

2 сентября 2019 г.